

Посвящение в рыцари св. Мартина

дах повозки в две и четыре лошади, надеясь в степях Болгарии вознаградить себя за потерю вьючного скота. Но впоследствии эти повозки оказались менее полезными, нежели можно было ожидать. Все это мы замечаем для назидания потомства; при многочисленности повозок в четыре лошади всякий раз, когда одна из них встречала препятствия, и все другие должны были также остановиться; иногда случалось найти несколько дорог, но они все загромождались ими, и тогда погонщики, преодолевая такие затруднения, подвергались величайшим опасностям. Таким образом, пало большое число лошадей, и многие жаловались на медленность пути.

Население города Регенсбурга приняло короля по-королевски. А чтобы не повторять каждый раз одного и того же, а именно, что все народы доказали нашему королю свою к нему преданность, скажу раз навсегда, что во всех селениях, замках и городах до самого Константинополя, все более или менее оказывали королю королевские почести по мере своих сил и средств и

все обнаруживали свое доброе расположение; я говорю: более или менее, ибо не все имеют одинаковые средства.

Когда палатки были раскинуты и король разместился, позвали послов императора, и они явились к нему. Приветствовав его и вручив ему свои священные грамоты, они продолжали стоять на ногах в ожидании ответа: они никогда не садятся, если не получают на то приказания. Наконец, получив то, они поставили стулья, которые принесли с собой, и сели. Мы видели в первый раз такой обычай, а впоследствии узнали, что это обычай греческий, а именно, когда сидят владетельные особы, то их подданные все остаются стоять (ср. с этим замечанием рассказ у Анны Комниной, выше). При этом вы увидели бы, как молодые люди, вытянувшись, с приподнятой головой, устремив глаза на своего господина и сохраняя глубокое молчание, стоят, готовые повиноваться всякому мановению. Богатые не носят другой одежды кроме шелковых кафтанов, коротких и плотно застегнутых; рукава у них узкие, так что они походят на атлетов, изготовившихся к бою. Бедные одеваются точно так же, отличаясь только тем, что их одежда не так роскошна.

Я не хочу останавливаться на полном переводе грамот, представленных греческими послами, как потому, что это было бы неприлично, так и потому, что я не мог бы сделать того. В своей первой и главной части эти грамоты были столь низкопоклонны и написаны с таким уничижением для снискания благоволения, что можно положительно сказать: подобный язык слишком мягкий для того, чтобы вытекать из чувства привязанности, был бы неприличен не только для императора, но и для комедианта. А потому и было бы постыдно тому, кто имеет говорить о другом, останавливаться долго на подобном писании. Во всяком случае, я не могу не заметить, что французы, какими бы ни были они льстецами, не могли бы, даже если бы и захотели, сравниться в этом отношении с греками. Сначала король слушал терпеливо, хотя и краснел за то, что ему говорят подобные вещи; но он не мог себе представить, что мог значить такой язык. Впоследствии, встречая в Греции ча-